

Deus videntium»**** (Грабман, с. 80). Ключевыми терминами, которые Экхарт сохраняет в этом тексте, являются «единство» («unus») и «видящий» («videns»). Здесь он предлагает две их интерпретации. Бог прежде всего учит нас, что именно потому, что Он един, Он есть бытие: «hoc ipso quod unus, ipsi competit esse»*****; а затем Он учит, что никто и ничто, кроме Бога, не есть действительно един, ибо ничто другое, кроме Него, не есть сама по себе полнота Разума («se toto intellectus»). Писание приводит нас к Богу-Разуму, а через Него — к чистому Единству всякого бытия, и это Единство есть то самое отрешение Божества.

Если Бог есть бытие, то потому, что Он Един, и если ничто другое, кроме Бога, не является единым, то ничто другое, кроме Него, не есть бытие. Таким образом, творение — это чистое ничто*****, по крайней мере в этом смысле оно не существует. То, что может в нем получить статус бытия, сводится к проявлению в нем божественной плодовитости. То, что характеризует творе-

ние, взятое само по себе, — это его ничтожность (nulleitas), но творение есть в той мере, в какой оно наследует Разуму и разумному: «Quantum habet unumquodque de intellectu sive de intellectuali, tantum habet Dei, et tantum de uno, et tantum de esse»*****. Этим объясняется курьезная, но весьма глубокая психология Экхарта, которая не могла не вызвать подозрений теологов, но естественным образом вытекала из его онтологии. Вся она была замысле-на для того, чтобы открыть человеку возможность возврата к Единому посредством интеллектуального познания, которое как раз и было объектом диалектики Плотина.

По мнению Экхарта — так же, как и по мнению Августина, Авиценны и Альберта Великого, — душа есть духовная субстанция, имя которой меньше выражает ее сущность, чем оживляющую функцию. Однако неоплатонизм Экхарта намного превосходит неоплатонизм Альберта как в психологии, так и в онтологии. Обнаружив, как и Августин, в душе три способности — память, разум и волю, «которые не суть Бог, ибо они находятся в душе и сотворены вместе с нею», Экхарт открыл там более скрытый и в собственном смысле слова божественный элемент, который он обозначил разными образами: «цитадель души», «искра души». Вот фразы, приписываемые Экхарту как высказанные им в 1329 г.: «В душе есть нечто не-сотворенное и не творящее; это — интеллект». Неудивительно, что подобная формула привлекла внимание теологов, которым не была знакома доктрина Плотина о присутствии в душе Единого или, точнее, о постоянном присутствии души в Едином. Наоборот, эта доктрина представляется центральным пунктом учения Экхарта, и из нее выводится несколько других, отвергнутых Церковью положений, касающихся морали. Эта доктрина прямо ведет к провозглашению союза с Богом, достижимого благодаря усилиям укрепиться в «цитадели души», где человек больше не отличается от Бога, поскольку он сам становится Единым. Чтобы этот мистический союз стал возможен, необходи-

Глава IX Философия в XIV веке

528

мо, с одной стороны, настаивать на реальности такого единения человека с Богом: «Отец порождает меня как своего Сына и именно как Сына. Все, что делает Бог, едино; поэтому Он порождает меня как своего Сына без всяких оговорок»; с другой стороны, нужно предаваться аскезе с целью разлуки и безразличия, чтобы утвердиться в этой внутренней цитадели души, которая одна лишь свободна в силу самого своего единства. Если это произошло, можно отбросить интерес ко всему остальному: «Внешнее действие не